

УДК 332

ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ.

Калейникова В.А., студент гр. ЗБМ51, I курс,
Научный руководитель: Варлачева Н.В., к.э.н., доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет
г. Томск

Процессы трансформации в российской экономике вызвали значительные изменения в социальной структуре общества, и еще более обострили противоречия процесса рыночной институционализации социальной мобильности населения. Это проявилось в том, что с одной стороны – увеличился спрос на квалифицированную рабочую силу в локально-территориальных «точках роста» экономики, а с другой - возрос круг факторов, усиливающих неопределенность перспектив профессионального и социального статуса работников в целом. В результате наметились негативные тенденции в российском социально-экономическом пространстве, на региональных рынках труда и связанных с ними процессах социальной мобильности различного по уровню образования и квалификации человеческого потенциала страны. В этой связи необходимо изучение факторов институционализации социальной мобильности для определения механизмов, способствующих сбалансированному развитию общества. Факторы процесса институционализации социально-экономической мобильности населения в современных условиях определяются: во-первых, типами социальной мобильности; во-вторых, каналами социальной мобильности; в-третьих, восприятием этих факторов в общественном сознании как движущих стимулов и мотивов изменения статусного положения индивида. Роль типов и каналов социальной мобильности Типы социальной мобильности выделил и описал Сорокин П.А. в своем труде «Социальная мобильность». [1]

Горизонтальная социальная мобильность – это перемещение индивида (или группы) внутри одного социального слоя без изменения социального статуса. Например, изменение профессии, места жительства и др.

Вертикальная социальная мобильность – это перемещение индивида (или группы) внутри стратификационной структуры с изменением своего социального статуса. В зависимости от направления перемещения выделяют восходящие и нисходящие потоки. Наибольший интерес представляет восходящая социальная мобильность, которая сопровождается повышением социального статуса, т.е. продвижением вверх в стратификационной структуре общества. Этому способствуют каналы социальной мобильности, которые определяются как социальные институты, входящие в сферу которых индивиды и целые группы делают гарантированное (до некоторой степени),

восхождение по социальной лестнице. [2] К ним относятся: семья, образование, экономические и политические организации, армия, церковь. При этом действуют они не изолированно, а в сочетании друг с другом. Конечно, интенсивность и способ функционирования каналов социальной мобильности - важный показатель здоровья "социального организма". Доступность каналов социальной мобильности зависит не только от индивида, но и от структуры общества, в котором он живет.

Современные общества предоставляют своим членам возможность свободного передвижения по социальной лестнице, в зависимости от индивидуальных способностей. Хотя существуют определенные социальные группы, доступ в которые затруднен в силу их замкнутости и барьеров, создаваемых на пути представителей других социальных групп. Кроме того, достижение более высокого статуса могут быть закрыты в связи с этнической или социально-классовой дискриминацией, или потому, что индивид из-за индивидуальных особенностей просто не способен применить свои таланты. Наиболее быстрым и доступным каналом социальной мобильности является образование, которое дает возможность получения высокооплачиваемой профессии и быстрого продвижения по социальной лестнице (при прочих благоприятных условиях). Причем прохождение его обязательно для продвижения по любой шкале социальной иерархии.

Изучению динамики и интенсивности процессов социальной мобильности населения посвящено большое количество работ отечественных и зарубежных ученых, которые включают широкий круг исследований демографических и социально-экономических проблем, политических отношений, развития разнообразных форм экономики. Анализ классовой структуры и социальной стратификации в российских дореволюционных, советских и постсоветских исследованиях интересен в нескольких отношениях. В дореволюционной России с конца 60-х гг. XIX столетия и до 1917 года проблемы классов и сословий, социальное расслоение общества представляли наибольший интерес. Это обусловлено возросшим влиянием социал-демократов, марксистов, поскольку в теории Маркса именно классовая борьба является движущей силой истории. В полемике с марксистской теорией выделялись и другие направления, в центре внимания которых были проблемы положения рабочего класса, связанные с распадом сельской общины в годы столыпинских реформ. В первые годы советской власти объективные исследования социальной структуры общества и классового расслоения становятся практически невозможными, из-за того, что острые идеологические столкновения позже приводят к репрессиям под лозунгом «обострения классовой борьбы в ходе строительства социализма», а социология объявляется «буржуазной наукой». В 1960-е гг. (в период «хрущевской оттепели») делаются попытки возобновить исследования в данной области, но жесткий идеологический контроль предписывал существование четкой социальной структуры советского общества, в котором выделялось два класса (рабочие и крестьяне) и прослойка интеллигенции. Со

временем эти установки стали расшатываться, т.к. результаты эмпирических исследований не вмещались в их рамки. [3] Объективное исследование социальной стратификации без идеологического давления начинается в период гласности и перестройки экономики в конце 80-х – начале 90-х гг. XX века. Но начавшиеся позже рыночные реформы, выдвинули ряд специфических для России проблем, вследствие чего возникла необходимость расширения и доработки классических теорий для объяснения происходящих процессов.

Кардинальные преобразования экономики, появление новых форм собственности неизбежно повлекли за собой изменения и в социальной структуре. Произошло изменение общественной формы всех социальных институтов - экономических, политических, культурных, собственности и власти. Произошла глубокая социальная революция и трансформация тех социальных основ и средств управления, которые формируют социальную структуру. Появились новые слои, социоструктурные образования: фермеры, менеджеры, предприниматели, наемные работники, безработные и др. На первый план выдвинулись проблемы социального неравенства и неравенства доходов с элементами классовых антагонизмов и конфликтов. Был вопрос о нахождении теории, которая адекватно объясняет продолжающуюся трансформацию социальной структуры российского общества. С конца 90-х гг. прошлого столетия многие исследователи особое внимание стали уделять критерию власти в социальной стратификации, поскольку в России он приобрел особое влияние. [4] Тот, у кого была и есть власть, имеет и доступ к богатству, к привилегиям, и престижу. Также повысился интерес к исследованию элит в российском обществе. [5] В настоящее время активным изучением общественного мнения по данному направлению и широкому кругу смежных вопросов занимается Левада-Центр. [6]

Факторы социальной и экономической мобильности институционализируются не только через традиционные каналы движения людей в обществе (армия, власть, образование и т.д.), но и фиксируются в приоритетности факторов в общественном сознании, в свою очередь, находит свое отражение в общественном мнении. Общественное мнение - это сумма многих индивидуальных мнений по конкретному вопросу. Оно выражает не всю совокупность взглядов, чувств, идей, а только те, которые из-за их актуализации перешли в настоящее время на первый план и стали занимать доминирующее положение в обществе. [7] Общественное мнение - это оценочное суждение, единство знаний и оценки, жизненно важное значение для экономического субъекта. Практически оценка общественных действий является бессознательным процессом, менее точным и слабо структурированным, находится под влиянием эмоций.

Мультиатрибутивная характеристика факторов социальной мобильности показывает, что отношение индивидов к социальной мобильности состоит из трех компонентов: - когнитивный (знание о самих факторах и каналах социальной мобильности); - аффективный (чувства и

эмоциональные реакции людей в связи с изменениями в их социального статуса и т.д.); - когнитивный (поведенческие намерения, детерминированные значения в группе лиц по отношению к различным решениям целевых групп лиц; склонность реагировать определенным образом на компании и все связанные с ним). В результате, факторы социальной мобильности, отраженные в общественном мнении, образуют сложный аналитический показатель социальной идентичности, который показывает неровную картину динамики в ее различных аспектах в рамках когнитивных, аффективных и коннотативных аспектов. Так, в 2010-2012 гг. было проведено исследование социальной самоидентификации россиян относительно основных факторов мобильности (таких как образование, профессия, квалификация, наличие нужных связей и работы, размера заработной платы, политической власти и др.). [8] Результаты показали, что возросли значения самооценок респондентов места в обществе таких факторов как образование, нужные связи и работа, уровень доходов и размер зарплаты. Произошло изменение значения самооценок на основе профессиональной, квалификации, политического фактора. Обратите внимание, что это распределение имеет определенную закономерность, которая проявляется в том, что с одной стороны - увеличилась самооценка коэффициента образования, а с другой стороны - уменьшились самооценка характеризующая конкурентные аспекты факторов социальной мобильности.

В целом, значение всех факторов общественного мнения незначительно увеличилось, что свидетельствует о повышенной, но недостаточной оценке факторов социальной мобильности в общественном мнении россиян. В целом можно сказать, что русские больше доверяют неформальным факторам социальной мобильности, чем формальным, что указывает на недостаточный уровень адаптивной способности населения к изменяющимся условиям и выбору соответствующих тенденций и факторов социальной мобильности в гражданском обществе. Что касается самоидентификации россиян относительно своей принадлежности к какому-либо слою, то по результатам исследований Левада-Центра, опубликованных в январе 2012 года, большинство россиян, несмотря на сравнительно низкие доходы, относят себя к среднему классу (85%), в том числе: к низшей части среднего слоя 33%, средней части среднего слоя 47%, к высшей части среднего слоя 5%. [9] Эксперты считают такие показатели серьезно завышенными, что может быть связано с неопределенностью критериев оценки среднего класса в России и некоторым смещением понятий, определений и самоидентификации. Особенно это заметно в рамках сопоставимых. Россияне относят себя к среднему слою общества международных сравнений и определений Всемирного Банка, по расчётам которого среднемесячный доход представителя среднего класса начинается с \$3500.

Используя различные подходы, исследователи пытаются получить наиболее полную картину социальной и стратификационной модели трансформирующегося российского общества. Современная наука

располагает внушительным арсеналом концепций социальной мобильности. При этом основная проблема заключается в необходимости из множества имеющихся теорий выбрать то, что в наибольшей степени пригодно для анализа современной российской ситуации, с ее противоречиями и социальными конфликтами. Здесь мобильность, вне зависимости от ее направления, увеличивает пропасть между разными социальными группами и способствует обострению социальных отношений. Анализ факторов институционализации социально-экономической мобильности населения позволяет сделать вывод о необходимости всестороннего изучения современных процессов трансформации социальной структуры общества, учитывая особенности происходящих процессов в социально-экономическом пространстве России.

Список литературы:

1. Сорокин П.А. Социальная мобильность / пер. с англ. М.В. Соколовой. – М.: Academia, LVS, 2005. – 588 с.
2. Фролов С.С. Общая социология: Учебник. – М.: Проспект, 2011. – 384 с.
3. Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д. Социальная структура общества: в поисках адекватных ответов // СоцИС. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.isras.ru/socis_2008_7.html
4. Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация: Учеб. пособие. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 318 с.
5. Шубкин В.Н. Властвующие элиты Сибири // Социологический журнал. – 1995. – № 1. – С. 147-155.
6. Левада-Центр. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.levada.ru
7. Горшков М.К. Общественное мнение: История и современность. – М.: Политиздат, 1988. – 383 с.
8. Левашов В.К. Гражданское общество в современной России (социологические измерения). – М.: ИСПИ РАН, 2006. – 52 с.
9. Россияне относят себя к среднему слою общества // Левада-Центр. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.levada.ru/23-01-2012/rossiyane-otnosyatsebya-k-srednemu-sloyu-obshchestva